

ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВИЧ МОКИЕНКО

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ)

ОРНИТОНИМ ФИНК И БЛИЗКОРОДСТВЕННЫЕ НАЗВАНИЯ В ЗЕРКАЛЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ¹

IZVORNI ZNANSTVENI RAD

UDK 811.11'373.45:398.9(4)

811.112.2'373.45:398.9

[HTTPS://WWW.DOI.ORG/10.17234/9789533790121.24](https://www.doi.org/10.17234/9789533790121.24)

В статье делается попытка объяснить историко-этимологические источники фамилии профессора Жельки Финк. Слово *Fink* в немецком языке обозначает небольшую певчую птицу зяблика. В некоторых славянских языках это слово было заимствовано. Пословицы и поговорки с компонентом *Финк* распространены в основном в Северной Германии и имеют параллели в голландском языке. В славянских языках наименования зяблика не развивают такой паремиологической активности, как в немецком, но характеризуются образным и структурно-семантическим многообразием. В статье приводятся примеры таких паремий и делается их анализ.

Ключевые слова: профессор Желька Финк; германизм *Fink*; паремиология; пословицы и поговорки с компонентом *зяблик*; орнитонимы; коннотации орнитонима *зяблик*

Поздравляя нашу достопочтимую профессора Жельку Финк со славным Юбилеем, все фразеологии мира, конечно же, перечитывают ее труды. Среди них, разумеется, – фундаментальные словари (Fink-Arsovski 2002; Fink-Arsovski 2006; Fink-Arsovski, Kovačević, Hrnjak 2010; RHAf 2017; Fink-Arsovski, Mokienko, Hrnjak, Barčot 2019) и целый каскад креативных статей, поражающих наше воображение широтой своего тематического диапазона: музыкальные инструменты как компоненты хорватских и русских фразеологизмов (Финк 2001a), спорт и детские игры как источник фразеологизмов хорватского языка (Финк 2001), фразеологизмы с компонентами *letvica* и *планка* (Финк 2010), *slijep* (Финк 2011) и *kormilo* и *кормило* (Финк 2006) ... и даже ... *бомба* (*bomba*) (Финк 2018), не говоря уже о таких таинственных фразеологических «артефактах», как британский «скелет в шкафу» (Fink 2010), внезапно оживший в славянских языках.

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №20-18-00091 «Мир восточных славян в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурнографическая репрезентация», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Внимательно глядяваясь в это богатое публикационное поле проф. Жельки Финк, я долго пытался найти в нем хотя бы небольшую невспаханную ею делянку. И поиски продолжались бы бесконечно, если бы мне не помог мой немецкий друг и фразеологический соратник проф. Харри Вальтер, который неоднократно вместе со мной общался с нашей Юбилярницей и съел с нею (и со мной) на заседаниях фразеологической комиссии и конгрессах славистов не один пуд соли. Как-то раз, навещая в Грайфсвальде своего друга, я обратил внимание, что он живет на улице с чисто орнитологическим названием: *Sprosserweg 23*. В буквальном переводе на русский оно значит «Соловьиная тропа» или «Соловьиная улочка». Причем – не просто соловьиная, ибо в Германии обычных певчих соловьев зовут *Nachtigall*. Ведь *Sprosser* – это достаточно редкий в Германии вид южного соловья, *Luscinia megarhynchos*, относящегося к отряду воробьинообразных (*Passeriformes*) и семейству дроздовых (*Turdidae*). Словом, председатель нашей Фразеологической комиссии живет на улице имени Южного Соловья.

Меня, конечно, не удивило, что Харри Вальтер живет на улице с таким названием: все мы, фразеологии, достаточно редкие птицы в этом прагматическом мире. Когда я поделился этими наблюдениями с Х. Вальтером, он заметил, что название его улицы в их микрорайоне – не исключение. «Все наши улицы, а точнее, *Weg*'и, – гордо сказал он, – имеют «птичьи» названия. И действительно, пройдясь с ним вблизи его дома, я не успевал фиксировать подобные наименования: *Spatzweg*, *Soorweg*, *Spechtweg*, *Starweg*, *Storchweg*... И вдруг я увидел название самой красивой улицы этого немецкого микрорайона, от которого мое славянское сердце радостно забилося: *FINKWEG*! Да-да – именно так: улица имени нашей Жельки Финк!!!

«Эврика!» – подумал я. – Наконец-то сюжет для юбилейной статьи в честь нашей Юбилярницы найден. Значит, можно подарить ей этимологическую и паремиологическую генеалогию её звучной и славной фамилии...

Первый чисто орнитологический вопрос, который я поспешил решить: какую именно птицу в Германии называют омонимом фамилии известной женщины-фразеолога, члена Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов? И почему улица недалеко от дома председателя этой же комиссии называется в ее честь *Finkweg*?

На этот вопрос ответить было несложно. Орнитоним *Fink* на русский язык переводится как *зяблик*, т.е. обозначает птицу *Fringilla coelebs* L. из семейства вьюрковых (*Fringillidae*) из отряда воробьиных (воробьинообразных, или воробьеобразных, *Passeriformes*). К вьюрковым относятся, кроме зяблика, и такие известные птицы, как чиж, снегирь, щегол, клёт, дубонос и др. Как мы помним, и *Sprosser* – вид южного соловья, давший название местожительству проф. Х. Вальтера, также относится к отряду воробьинообразных и семейству дроздовых, что, как увидим ниже, далеко не случайно.

Однако, оставим Кесарю Кесарево, а Богу Богово, т.е. не будем погружаться в биологические разыскания. Нас, лингвистов, конечно же, интересует прежде всего вопрос: Какой след в языке и особенно во фразеологии и паремиологии оставило звучное наименование *Финк* (*Fink*)?

Сразу отметим, что след этот не менее глубок, чем след птицы семейства вьюрковых из отряда воробьиных в природе. Носители немецкого языка бережно сохранили коннотативную и паремиологическую память об этом слове, видимо, предполагая, что автор предлагаемой юбилейной статьи эту память попробует воссоздать.

Какие же коннотаты и фразеосхемы оставило нам, финкофилам, это благозвучное слово в скрижалях немецкого языка?

Словари фиксируют разные значения и формы этого слова. Так, один из старейших немецко-русских словарей (Эртель 1846: 681) приводит такой их ряд: *Fink* 'зяблик', 'вьюрок'; *Finkchen* 'маленький вьюрок, зяблик'; *Finke* 'монастырский служка'; *Finkler* 'птицелов'; *finkeln* 'ловить зябликов, птиц'; *Finkenritter* 'пустой дворянин, хвастунишка'; *Finkenwein* 'мольсгеймское вино'; *Finkenaue* 'в старину Мекленбургская мелкая монета'. В современных словарях можно найти и некоторые антропоморфные коннотации этого слова – напр., в студенческом аргоне *Fink* обозначает студента, который не относится ни к одной из студенческих корпораций (Duden 1985: 509).

В немецкой паремиологии и фразеологии некоторые из этих значений отражены еще более рельефно. Так, последнее арготическое значение, видимо, развилось на основе наблюдений над поведением зяблика, породивших поговорку *Ein Fink fliegt selten allein* (букв. Зяблик редко летает один), имеющую и голландскую параллель *Een vink vliegt zelden alleen*. Между прочим, в пятитомном тезаурусе немецкой паремиологии Карла Фридриха Вильгельма Вандера, где помещена эта паремия (Wander Bd. 1: 1026–1027), слову *Fink* отводится достойное место. Здесь собраны практически все поговорки и поговорки, так или иначе характеризующие нашу любимую птицу. Попробуем их семантически сгруппировать и прокомментировать.

Некоторые поговорки характеризуют небольшие размеры зяблика по сравнению с такой большой птицей, как аист: *In einem Finkennest fängt man keinen Storch* (букв. В гнездо зяблика аиста не поймаешь). Показательно при этом, что близкий к этому вариант поговорки известен и голландскому языку, правда, – с другой, более экзотичной для европейского Севера птицей: *Men vangt geen papegaai in een vinkenet* (букв. Попугая в сеть для зябликов не поймаешь). Общий паремиологический смысл здесь понятен: добиваться желаемого результата следует, соизмеряя способы и средства его достижения.

По-видимому, «намеком» на небольшой размер зяблика таится и в шутивно окрашенном сложном слове *Finkenlohn* 'заработок зяблика', которое образует поговорку с другим, также «малометрическим» орнитонимом: *Finkenlohn – Meisenarbeit* (букв. Заработок зяблика – работа синицы).

Небольшой размер зяблика имплицирован и в поговорке *Armer Fink, wie haben sie dich gerupft, sagte der Junge, als er aus der Katechismusstunde kam und eine Fledermaus kleben sah* (букв. Бедный зяблик, как они тебя ощипали, – сказал мальчик, выйдя с урока катехизиса и увидев прильнувшую к стене летучую мышь). В ней, по мнению интерпретаторов, отражено ироническое отношение к парадоксальным учебным программам консервативных начальных школ, по которым ученики не получают полезных знаний о «земных вещах», а память их перегружается малопонятными, экзотическими и ненужными фактами. Любопытно, что в голландском варианте этой

поговорки о Finke-зяблике вновь в качестве его «контрагента» фигурирует именно попугай: *Dat is eene schoone papegaai, zei de boer, en hij zag eene vledermuis op de kruk* (букв. «Это красивый попугай», – сказал фермер, увидев летучую мышь на табурете). Зяблик и попугай выступают в одном компаративном ряду и в пословице *Besser ein Finke in der Hand als ein Papagai in Ostindien* (букв. Лучше зяблик в руке, чем попугай в Восточной Индии).

Представление же об ощипывании зяблика как легком и бесполезном занятии, почти равном с бездельем, отражает пословица *Besser einen Finken rupfen, als müssig sitzen* (букв. Лучше щипать зяблика, чем сидеть сложа руки). Она также находит полную аналогию в голландской паремии *Beter een vink geplukt, dan ledig gezeten* (букв. Лучше щипать зяблика, чем сидеть без дела).

Шутливое отношение к маленькой и безвредной птичке, видимо, отражает и пословица *Man muss auf den Finkenschlag Acht geben, ehe der Flug vorbei ist* (букв. Нужно остерегаться пения зяблика до того, как его полет закончится). Шутливый эффект здесь достигается амбивалентностью семантики сложного слова *Finkenschlag*, которое буквально может быть понято и как ‘удар зяблика’, но переносно обозначает именно его пение.

Семантическая двуплановость, пожалуй, таится и в пословице *Ein Finke kann mehr als einen Gesang* (букв. Зяблик может спеть больше, чем одну песню). К.В. Вандер не случайно помещает ее не под вокабулой *Fink*, а под вокабулой *Finke* ‘старая разменная мелкая монета’ (Wander Bd. 1: 1026). Действительно, такое редкое значение для этого слова фиксируют старые словари (Эртель 1846: 681). И паремиологическая шутка основана на совмещении орнитологической и монетарной семантики, выражая печальную, но не меркнувшую в веках идею о всевластии денег – даже таких небольших по своему достоинству, как старинная и уже забытая разменная монета *Finke*.

Метафорическая семантика слова *Fink* породила и довольно странное сложное слово – *Finkenritter*, т.е. «Зяблик–рыцарь», вошедшее в загадочную паремию *Wer dich aus dem Finkenritter fragt, dem antworte aus Eulenspiegel's Vorrede* (букв. Любому, кто спросит тебя [прочитай что-либо] из «Зяблика–рыцаря», ответь из предисловия к «Уленшпигелю»). Ироничность этой сентенции ощущается даже тогда, когда её истинный смысл остается до конца не понятым.

Антропоморфное перевоплощение *Finka*-зяблика отражено и в старинном немецком ономастиконе. Пословица *Er ist wie Johann Fink, der nicht gern an den Pranger ging (am Pranger stand)*, в буквальном переводе значащая – Он похож на Иоганна Финка, который не любил, когда его ставили к позорному столбу (т.е. осуждали) была зафиксирована и в диалектном варианте. Причем, в регионе Шлезвиг-Голштейн, совсем недалеко от земли Меклембург-Передняя Померания, т.е. почти на родине проф. Х. Вальтера: *He is êgen as Johann Fink, de wull nig an 'n Kâk (Pranger) stân*.

Как видим, немецкий малый фольклор сохранил немало паремиологических реминисценций об орнитониме *Fink*. Показательно, я бы даже сказал, – не случайно, что по ареалу почти все эти паремии концентрируются либо прямо на родине председателя Фразеологической комиссии профессора Харри Вальтера, т. е. в земле Меклем-

бург-Передняя Померания (resp. в соседней земле Шлезвиг-Голштейн), либо совсем рядом – в Голландии. Тем самым не исключено предположение, что родиной далёких предков нашей Юбилярицы Жельки Финк была именно эта далёкая географически от Хорватии, но близкая по ее фразеологическому духу земля.

Однако, любая гипотеза требует тщательной проверки – особенно лингвистическими фактами. А они убедительно показывают, что наличие заимствованного слова далеко не всегда означает его полного сущностного тождества с обозначаемым явлением, субъектом и объектом. Иными словами: для подтверждения или опровержения выше означенной гипотезы следует выявить, на какой именно стадии языковой эволюции германизм *Финк* мог стать фамилией профессора Жельки Финк.

Рассмотрим с этой целью ряд наименований птицы «зяблик» в славянских языках. Все ли они чисто славянские или уже на этапе собственно орнитологической семантики уже подпитывались ресурсами других языков, в том числе немецкого?

Ряд славянских наименований нашей ‘небольшой лесной певчей птицы с красноватыми боками’ довольно разнообразен: бел. *бepaсцянка*, укр. *зяблик*, пол. *zięba*, словацк. *zeba*, *finch*, чеш. *pěnkava*, в.-луж., н.-луж. *zyba*, хорв. *zeba*, словен. *zeba*, серб. *zeba*, босн. *finch*, макед. *финч*, болг. *чинка*. Как видим, в большинстве славянских языков эта птица обозначена тем же корнем, что и в рус. и укр. *зяблик*, причем пол. *zięba*, словацк. *zeba*, в.-луж., н.-луж. *zyba*, хорв. *zeba*, словен. *zeba* и серб. *zeba* в словообразовательном отношении «первороднее», ибо бессуфиксально воспроизводят праславянское наименование птицы – **zęba*. Этимологи производят его от глагола **zębnōti* ‘зябнуть, ощущать холод, страдать от холода’. Кстати, рус. *зяблик*, имеющее и переносное значение ‘мерзляк, знобуша’, а также тверск. *зяблица* ‘капуста, покинутая на гряде до морозов’ (ДК 1: 1743) прямо подтверждают такую этимологию. Ср. также русские диалектизмы пск., твер. *зяблик* ‘о человеке, чувствительном к холоду, зябком’, арх. ‘прозвище тщедушного и худошавого человека’ (СРНГ 12: 46).

Любопытный комментарий в этом отношении предлагают авторы украинского этимологического словаря, связывая слово *зяблик* с этим глаголом «з огляду на те, що зяблик витримує холод краще, ніж інші перелітні птахи; ця ж особливість, мабуть, відбита і в науковій назві *fringilla (frigilla)* від лат. *frigus* ‘холод’ (ЕСУМ 2: 285). Ср. итальянское название зяблика – *fringuello*.

В ряду славянских наименований, как видим, присутствует и интересующий нас германизм – словацк. *finch*, босн. *finch*, макед. *финч*. Следовательно, фамилия прародителей нашей Юбилярицы могла восходить и к одному из славянских заимствований нем. *Fink*, прямо именующих симпатичного зяблика и тем самым лишь опосредованно связанных с приведенными выше северонемецкими паремиями. Что, между прочим, и неплохо, ибо, как мы видели, в немецкой языковой среде это слово окрашено и негативными тонами. Ср. *Dreckfink*, *Mistfink* ‘неряха, грязнуля’ образ которых немецкие этимологи объясняют тем, что зяблики любят искать себе пищу в лошадиных «яблоках». Этимология же самого слова *Fink*, конечно, ничего общего с таким образом не имеет: оно является типичным звукоподражанием, воспроизводя звуки [s]pink-[s]pink!, издаваемые зябликами (НВ 1963: 169). Ср. чешское название зяблика *pěnkava* и рус. *пенка*, *пеночка* – маленькая певчая птичка сем. славковых с

зеленовато-бурым оперением, обычно гнездящаяся на земле (*Звонкий голос пеночки*), Regulus (БТС: 791; ДК 4: 1443). Немецкое слово *Fink* имеет устойчивые параллели во всех германских языках: англ. *finch*, датск. *Finke*, голланд. *vink*, швед. *fink*, норв. *finke*, фризск. *finch*, исланд. *finkur*, идиш *fintsch* и др. Не случайно его фонетические варианты, как мы видели, обогатили и некоторые славянские языки.

Нас, фразеологов и паремиологов, конечно, интересуют не столько слова, обозначающие зяблика, сколько пословицы и поговорки, которые с помощью такого орнитологического компонента образованы. И тут зябликофилов-паремиологов (к которым относится и автор этой статьи) ждет, увы, разочарование. Во всей паремиологической Славии следы этой птицы столь же малы, как и ее небольшой размер. Нет этих следов ни в многоязычном словаре сравнений под редакцией Ж. Финк (Fink-Arsovski 2006), ни в фундаментальной библиографии хорватской фразеологии под ее редакцией (Fink-Arsovski, Kovačević, Hrnjak 2010), ни в других, известных автору этих строк хорватских источниках. Нет фразеологизмов и пословиц с наименованием зяблика (словен. *zeba*, болг. *чинка*) и в фундаментальных словенских и болгарских фразеологических словарях, включающих также и диалектные паремии (Keber 2011, ФРБЕ). Отсутствуют они и в сводном двухтомнике белорусских пословиц и поговорок (Грынблат 1976), и в четырехтомном своде украинской паремиологии (Пазяк 1987–2001).

После долгих поисков удалось найти несколько паремий с образом зяблика лишь в русском, польском и чешском языках. При этом ни их образность, ни их паремиологическая модель никак не связаны друг с другом.

Просторечные и диалектные устойчивые сравнения с компонентом *зяблик* (*зябрик*) отражают, собственно, семантику, заложенную в праславянизме **zēba*: прост. шутил. (*замёрзнуть*) как *зяблик* ‘о сильно замёрзшем, дрожащем от холода человеке’ (Мокиенко, Никитина 2008а: 228); пск. шутил.-ирон. *съёжиться как зябрик* ‘о съёжившемся от холода, испуга и т. п. человеке’ (СППП 2001: 97; ПОС 13: 142). Русская же идиоматика с нашим орнитонимом представлена всего одним шутивным оборотом, записанном в жаргонной речи современной молодежи города Магнитогорска: *Гималайский зяблик* ‘женские гениталии’ (Максимов 2002: 84; Мокиенко, Никитина 2008: 262).

Пословичное наследие русского малого фольклора с таким компонентом несколько богаче поговорочного, а главное – древнее, ибо записи соответствующих паремий восходят к XVI–XVII вв. Однако, в них фигурирует не лексема *зяблик*, а, видимо – ее более древние варианты *зяблец* и *зяблиця*: *Холостой – простой, женат (женатый) – богат (богатый), а вдовец – что зяблец* (ДП 1: 281; Даль 4: 560; Аникин 1988: 318; Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 107); *Холостой – простой, женат – рогат* (т.е. сильный, крепкий, уверенный в себе), *а вдовец – что зяблец* (Сим. XVII–XIX вв.: 150; СлРЯ XI–XVII вв. 22: 177; СОРЯ XVI–XVII вв. 2: 41; 6: 72; 8: 126; Снегирев 1848: 432; Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 107); *Жаворонок к теплу, а зяблиця к стуже* (Сим., 102; СлРЯ XI–XVII вв. 6: 72; СОРЯ XVI–XVII вв. 8: 126; Снегирев 1848: 115; Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 332). Как видно из этих паремиологических контекстов, слова *зяблец* и *зяблиця* синкретично обозначают и птицу зяблика, и зябнущего человека, сохраняя их древний этимологический смысл.

Чешская поговорка *ne tak kusá jako s ocasem pěnkava zpívá* (букв. не столь куцая, как поющий хвостом зяблик) – лишь периферийный, один раз зафиксированный в старых источниках вариант более употребительной шутливо-иронической поговорки *ne vše kusá jako s ocasem*, которая образована универбацией древнего (скорее всего – античного) басенного сюжета о лисе и обезьяне. Ее значение толкуется как «Каждый должен знать свое место» или «Что подходит одному, то не подходит другому» (Flajšhans 1: 714).

Вторая поговорка известна в нескольких вариантах: *zvieš, kam pěnice nosem sedá* (букв. узнаешь, куда зяблик носом садится), *nejsem hlup, bych nevěděl, kam pěnice nosem sedá* (букв. не так я глуп, чтобы не знать, куда зяблик носом садится); *nevie ještě, kam pěnkava nosem sedá* (букв. он еще не знает, куда зяблик носом садится). Первые записи этой поговорки относятся к XV веку и она воспроизводится позднейшими паремнологическими сборниками – в том числе Я. А. Коменского, Фр. Лад. Челаковского и др. (Flajšhans 2: 124–125). Её популярности способствовало и употребление в хрестоматийном романе Божены Немцовой «Бабушка». Орнитологический образ этой поговорки лапидарно раскрывает Др. Лад. Челаковский: «Pošlo pořekadlo to z národní hádanky: *Kam pěnkava nosem sedá?* – *Odpověď: Zobáčkem proti větru, aby jí do zadku nefoukal a peří nezježil*» (букв. Поговорка возникла на основе народной загадки: Куда зяблик носом садится? – Ответ: Клювиком против ветра, чтобы ему в попку не дуло и топорщило перья» (Čelakovský 1949: 626). Как видим, здесь отражены народные наблюдения за повадками интересующей нас птицы.

Польские паремии являются, собственно, народными приметам, констатациями о предсказаниях дождливой погоды. При этом они обе относительно новые: *Kiedy rano śpiewa zięba, tedy będzie padae z klęba* (NKP 3: 873) (букв. Когда утром поет зяблик – разверзнутся хляби небесные); *Gdy wilga śpiewa, będzie deszcz* (NKP 3: 686) (букв. Где поет зяблик – будет дождь).

Между прочим, с такого рода предсказаниями связан и наш немецкий зяблик – *Fink*. В многотомном словаре немецких суеверий (HDA 2: 1507-1508) и сам зяблик, и птицы его широко разветвленного семейства характеризуются прежде всего как предсказатели погоды. Уже древнегреческий философ и естествоиспытатель Теофраст (288 до н. э. – 285 до н. э.), утверждал, что, по его наблюдениям, зяблик, громко распеваящий утром, предвещает шторм – особенно когда он сидит на крыше. Как правило, он возглашает приход дождя, шторма или холодов своим звонким голосом. Немало и довольно странных поверий, связанных с нашей птицей. Например, – будто бы в гнезде зяблика иногда бывает камень серого цвета, с помощью которого можно сделаться невидимым. Правда, подобные легенды, как подчеркивают составители словаря немецких суеверий, не связаны с пословицами и поговорками, в которых фигурирует название зяблика – *Fink*.

Фамилия же нашей Юбилярицы, известной славистики-фразеолога, члена нашей Фразеологической комиссии, несомненно, как я пытался показать, связана с этим звучным орнитонимом. Древние римляне говорили, что *Habent sua fata libelli*. Но не только книги имеют свою судьбу – имеют судьбу и наши фамилии. И фамилия профессора Жельки Финк так или иначе связана с названием небольшой, но звонко-

голосой птицы. Когда и какими путями это название обогатило именованное хорватского языка, мы пока точно не знаем. Но время до следующего Юбилея хорватской исследовательницы у нас есть, и мы обязательно ответим и на этот генеалогический вопрос. Сейчас же будем наслаждаться пусть и немногочисленным, но ярким образным паремнологическим кружевом, которым это название украсило наш фольклор и наши языки. А автор этих строк всегда, подходя к дому профессора Вальтера по улице *Sprosserweg 23*, обязательно свернет на соседний *Finkweg*, чтобы благодарно вспомнить Жельку Финк и всё, что наш Юбилеяр делала и делает для славянской Фразеологии. Желаю Ей не озябать и не прозябать перед вызовами нашей холодеющей и холодящей короновирусной эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникин, В. П. (ред.), *Русские пословицы и поговорки*, Художественная литература, Москва, 1988.
- БТС = Кузнецов, С. А. (гл. ред.), *Большой толковый словарь русского языка*, Норинт, Санкт-Петербург, 1998.
- Грынблат, М. Я. (склад.), *Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах*. Складанне, сістэматызація тэкстаў, ўступны артыкул і каментарыі Грынבלата, Т. 1–2, Навука і тэхніка, Мінск, 1976.
- Даль В. И., *Толковый словарь живого русского языка*. 3-е изд., Т 1–4, Москва, 1955.
- ДП = Даль В.И., *Пословицы русского народа*, Художественная литература, Москва, 1957.
- ЕСУМ = Мельничук, О. С. (гол. ред.), *Етимологічний словник української мови*. У 7 т., Наукова думка, Київ, Т.1: А – Г., 1982., Т.2: Д – Кошці., 1985., Т.3: Кора – М., 1989, Т.4: Н – П., 2003., Т.5: Р – Т., 2006., Т.6: У – Я., 2012.
- Максимов, Б. Б., *Фильтруй базар. Словарь молодёжного жаргона города Магнитогорска*, Магнитогорский гос. ун-т, Магнитогорск, 2002.
- Мокиенко В. М.; Никитина Т. Г., *Большой словарь русских поговорок*, ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», Москва, 2008.
- Мокиенко В. М.; Никитина Т. Г. *Большой словарь русских сравнений*, ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», Москва, 2008а.
- Мокиенко В. М.; Никитина Т. Г.; Николаева Е. К., *Большой словарь русских пословиц*, «ОЛМА Медиа Групп», Москва, 2010.
- Пазяк, М. М. (упор.), *Прислів'я та приказки*, Наукова думка, Київ, Т. 1. Природа. Господарська діяльність людини, 1989., Т. 2. Людина. Родинне життя. Риси характеру, 1990, Т. 3. Взаємини між людьми, 1991, Т. 4. Українські прислів'я, приказки та порівняння з літературних пам'яток, 2001.
- ПОС = *Псковский областной словарь с историческими данными*. Основан Б. А. Лариным, изд-во ЛГУ–СПбГУ, Санкт-Петербург, 1967–2019.
- Сим. XVII–XIX вв. = Симони, П., *Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий*, Санкт-Петербург, 1899.
- СлРЯ XI–XVII вв. = *Словарь русского языка XI–XVII вв.* / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, Вып. 1–30, Наука, Азбуковник, Москва, 1975–2015.
- Снегирев, И. М., *Русские народные пословицы и притчи, изданные И. М. Снегиревым с предисловием и дополнениями*, В Университетской Типографии, Москва, 1848.

- СОРЯ XVI–XVII вв. = *Словарь обиходного русского языка Московской Руси (XVI–XVII вв.)*. Под ред. О. С. Мжельской. Вып. 1–8, изд-во С.-Петербург. ун-та, «Наука», Москва, 2004–2019.
- СППП 2001 = Мокиенко, В. М.; Никитина, Т. Г. (сост.), *Словарь псковских пословиц и поговорок*, Норинт, Санкт-Петербург, 2001.
- СРНГ = Мызников, С. А. (гл. ред.), *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1–51, Санкт-Петербург, 1965–2019.
- Финк, Ж., „Спорт и детские игры как источник фразеологизмов хорватского языка (в сопоставлении с русским)“, в: *II Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова. Матер. международной научной конференции. 12–14 сентября 2000 г.*, Котова, М. (ред.), Филологический факультет СПбГУ, Санкт-Петербург, 2001., с. 92–95.
- Финк, Ж., „Музыкальные инструменты как компоненты хорватских и русских фразеологизмов“, в: *Вестник Международного славянского университета*, Серия «Филология», том IV, 1, 2001., с. 35–39.
- Финк, Ж., „Хорватские фразеологизмы с компонентом *kormilo* (в сопоставлении с русскими с компонентом *кормило*)“, в: *Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты)*, Шумейко, А. А. (ред.), Элпис, Москва, 2006., с. 502–506.
- Финк, Ж., „О хорватских и русских фразеологизмах с компонентами *letvica* и *планка*“, в: *И вновь продолжается бой, сборник научных статей, посвященных юбилею д.ф.н., проф. С. Г. Шулежковой*, Мокиенко, В. М. (ред.), ГОУ ВПО «Магнитогорский государственный университет», Межкафедральный словарный кабинет им проф. Б. А. Ларина СПбГУ, Ernst-Moritz-Arndt-Universität, Магнитогорск, 2010., с. 258–262.
- Финк, Ж., „О хорватских субстантивных фразеологизмах с компонентом *slijep* (в сопоставлении с другими языками)“, в: *Материалы XXXIX Международной филологической конференции. Фразеология и языковая динамика*, Мокиенко, В. М., Савченко, А. В. (ред.), Ernst Moritz Arndt Universität Greifswald, Greifswald – Санкт-Петербург, 2011., с. 221–226.
- Финк, Ж., „Русские и хорватские фразеологизмы с компонентом *бомба (bomba)*“, в: *Актуальные проблемы и перспективы русистики. Материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете*. Castellví, J., Zainouldinov, A., Garcia, I., Ruiz-Zorilla, M. (ред.), Estudis Eslaus, Departament de Llengües i Literatures Modernes i Estudis Anglesos, Universitat de Barcelona, Barcelona, 2018., с. 1547–1556.
- ФРБЕ = Ничева, К.; Спасова-Михайлова, С.; Чолакова, К., *Фразеологичен речник на българския език*, Издателство на Българската Академия на науките, София, Т. 1 1974., Т. 2, 1975.
- Эртель, В., *Полный немецко-русский словарь, составленный по лучшим источникам В. Эртелем*, Том первый, Вып. 1–4, Санкт-Петербург, 1846.
- Čelakovský, Ladislav, *Mudroslovi národu slovanského ve příslovích. Připojena jest sbírka prstonárodních českých pořekadel*, nakl. Výchrad, Praha, 1949.
- DUDEN 1985 = *Bedeutungswörterbuch*. 2., völlig neu bearb. u. erw. Aufl. Hrsg. u. bearb. v. W. Müller, Dudenverlag, Mannheim-Wien-Zürich, 1985.
- Fink, Źeljka, „Što se skriva u ormaru? (o novom frazemu u hrvatskom i ruskom jeziku)“, u: *Slowo. Tekst. Czas. X. Jednostka frazeologiczna w tradycyjnych i nowych paradygmatach naukowych*, Aleksiejenko, M., Walter, H., Hordy, M., Szutkowski, T. (ur.), Uniwersytet Szczecinski, Szczecin – Greifswald, 2010., str. 48–56.

- Fink-Arsovski, Željka, *Poredbena frazeologija: pogled izvana i iznutra*, FFpress, Zagreb, 2002.
- Fink Arsovski, Željka; Kržišnik, Erika; Ribarova, Slavomira; Dunkova, Tatjana; Kabanova, Natalija; Mironova Blažina, Irina; Trostinska, Rajisa; Spagińska Pruszak, Agnieszka; Vidović Bolt, Ivana; Sesar, Dubravka; Dobriková, Mária; Kursar, Maria, *Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema*. Knjigra, Zagreb, 2006.
- Fink-Arsovski, Željka; Kovačević, Barbara; Hrnjak, Anita, *Bibliografija hrvatske frazeologije*, Knjigra, Zagreb, 2010.
- Fink-Arsovski, Željka; Mokienko, Valerij Mihajlovič; Hrnjak, Anita; Barčot, Branka, *Rusko-hrvatski frazeološki rječnik*, Knjigra, Zagreb, 2019.
- Flajšhans, Václav, *Česká přísloví. Sbirka přísloví, přípovědek a pořekadel lidu Českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku*, Díl I. Prísloví staročeská. Díl I (A-N), díl II (O-Ru), Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, Praha, 1911–1913., 2-é, rozšířené vydání, Předmluva V. Mokienko, komentáře V. Mokienko, L. Stěpanova, Univerzita Palackého v Olomouci, Olomouc, 2013.
- HW 1963 = *Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache*, Bearb. von Günther Drosdowski, Paul Grebe und weiteren Mitarbeitern der Dudenredaktion, Duden, Bd. 7, Dudenverlag, Mannheim-Wien-Zürich, 1963.
- HDA = *Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens*, Hg. von E. Hoffmann-Krayer und Bächtold-Stäubli, 10 Bde, Berlin, 1927–1942.
- Keber, Janez, *Slovar slovenskih frazemov*, Založba ZRC SAZU, Ljubljana, 2011.
- RHAF 2017 = Vidović Bolt, Ivana; Barčot, Branka; Fink Arsovski, Željka; Kovačević, Barbara; Pintarić, Neda; Vasung, Ana; *Rječnik hrvatskih animalističkih frazema*, Školska knjiga, Zagreb, 2017.
- NKP = Krzyżanowski, J. (red.), *Nowa księga przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich*, T. 1 – 4, Państwowy instytut wydawniczy, Warszawa, 1969–1978.
- Wander, Karl Friedrich Wilhelm, *Deutsches Sprichwörterlexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk*, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt, 1964.

ORNITHONYM FINK AND CLOSELY RELATED NAMES IN THE MIRROR OF THE EUROPEAN PAREMIOLOGY

The article attempts to explain the historical and etymological sources of the surname of Professor Zeljka Fink. The word Fink in German means a small chaffinch songbird. In some Slavic languages, this word was borrowed. Proverbs and sayings with the Fink component are common mainly in Northern Germany and have parallels in the Dutch language. In Slavic languages, the names of finch do not develop such paremiological activity as in German, but are characterized by figurative and structural-semantic diversity. The article provides examples of such premisses and analyzes them.

Key words: professor Zeljka Fink; *Fink* Germanism; paremiology; proverbs and sayings with the component *finch*; ornithonyms; the connotations of the ornithonym *finch*